

Само появление фигуры «рамки» как формы из уст формалиста Тынянова звучит негласным приговором: Ходасевич, не зная или игнорируя постулаты формализма, мыслит художественный текст дуализмом формы и содержания. Эта скрытая инвектива Тынянова отчасти проявляется в колком замечании, что «в стих, „завещанный веками“, плохо укладываются сегодняшние смыслы»¹. Ироничность этого пассажа состоит, с одной стороны, в том, что Тынянов здесь опять прибегает к перефразированной дихотомии формы (стиха, в который можно что-то уложить) и содержания («сегодняшние смыслы»), — и эту поляризацию он пародически вменяет Ходасевичу. С другой стороны, Тынянов артикулируетdimensionальное несоответствие «рамки» и укладываемых в нее смыслов, обращаясь к интертексту из самого Ходасевича. Тыняновская фраза «стих, „завещанный веками“» отсылает к формуле «язык, завещанный веками» из стихотворения «Не матерью, но тульской крестьянкой...»². Явными и скрытыми цитатами из Ходасевича Тынянов обнажает штативную формульную идиоматичность его поэтики и, соответственно, поэтологии³. При этом базовой проблемой является даже не сама классическая «рамка», а то, что она мыслится Ходасевичем как статическая, как «готовая вещь»

¹ Там же.

² Ходасевич 2009: 125.

³ Возможно, в тыняновском высказывании есть и третья пародическая подтекстуальная отсылка — к статье Ходасевича «Окно на Невский» (1922). В этой статье Ходасевич патетически и многословно объясняется в любви к Пушкину, но тем не менее констатирует конец эстетики пушкинского периода и определяет художественный канон Пушкина как «кодекс форм прекрасных, но отживающих», в условиях изменившейся «жизн[и] и форм[ы] искусства», по мнению Ходасевича, «нельзя и не надо превращать пушкинский канон в прокрустово ложе» (Ходасевич 1996а: 489–490). Призыв Ходасевича, на взгляд Тынянова, не был реализован практически. Имплицитно или непроизвольно Тынянов перекодирует поэтический императив Ходасевича («не превращать пушкинский канон в прокрустово ложе») в косвенное инвективное предупреждение самому Ходасевичу о том, что в пушкинский стих «плохо укладываются сегодняшние смыслы». Статья «Окно на Невский» была опубликована в журнале «Лирический круг», представлявшем одноименное литературное содружество «классицистов сегодняшнего дня» под предводительством Абрама Эфроса, в которое входил Ходасевич. Подробнее о Ходасевиче в «Лирическом круге» см. Андреева, Богомолов 1996: 571–572.

без динамического ядра, как окостеневший и окаменевший, монументализированный и канонизированный сгусток.

Тыняновское описание Ходасевича корреспондирует со многими положениями другой ключевой работы 1924 года — с «Проблемой стихотворного языка». В ней Тынянов уже на первых страницах не без удовольствия констатирует, что знаменитая аналогия «форма — содержание = стакан — вино» изжита¹. В этой аналогии, с демонтажа которой, по сути, начался формализм, дефектна не пространственность сама по себе, а то, что «в понятие формы неизменно подсовывается <...> статический признак, тесно связанный с пространственностью (вместо того, чтобы и пространственные формы осознать как динамические *sui generis*)»². Осознание и ощущение формы как непрерывной динамики («протекания», «изменения») и есть та самая «борьба»³, та самая схватка («*mêlée*»)⁴, в которой Ходасевич не участвует. Вместо этого он делает ставку на готовую «традицию», пусть и авторитетную, но — чужую.

Канонизированные чужие вещи предстают готовыми, и «нужна работа археологов, чтобы в сгустке обнаружить когда-то бывшее движение»⁵. Фигура археолога — литературоведа, историка литературы — авторефлексивна. Именно это самосопоставление с археологией, высказанное в «Промежутке» в пассаже о Ходасевиче, Тынянов подхватывает и развивает в «Проблеме стихотворного языка». Там понятие «динамической археологии» используется для обозначения истории литературы как науки, перед которой стоит задача «обнажения формы»⁶. «Археология» — это не только щепетильное очищение наносных слоев археологической кисточкой, для того чтобы увидеть «форму» найденной вещи (обнажение формы), но и исследование динамического «характер[а] литературного произведения и его

¹ Тынянов 2004: 8.

² Там же.

³ Там же: 9.

⁴ Тынянов 1977: 172.

⁵ Там же.

⁶ Тынянов 2004: 17.

факторов»¹. Эта понятийная перекличка между «Промежутком» и «Проблемой стихотворного языка» лишний раз иллюстрирует гетерогенную цельность тыняновской дикции этого периода, так называемые «научные» и «критические» работы резонируют, развивая и корректируя друг друга. Однако с моей стороны было бы опрометчиво придавать этим метафорическим понятиям терминологическую стабильность. Понятия Тынянова — не нормативные, а промежуточные точки опоры, провизорные протезы².

Формалистская мысль вообще и тыняновская в частности сильны не только своим новым взглядом на литературу, но и не в последнюю очередь методологическим пониманием «промежуточности», динамической и продуктивной шаткости понятийного аппарата. Так, само обращение к чужим авторитетам или к стертым факторам, которое в «Промежутке» ставится Ходасевичу в укор, в «теоретических работах» Тынянова, как правило, оценивается позитивно. При динамическом взаимодействии с элементами другого ряда такое приобщение может работать как освежение конструктивного принципа³. Тынянов-ученый признает за традиционалистским классицизмом возможность быть по своему конструктивным, но Тынянов-критик сопровождает любой пассивный архаизм и пассаизм явной или скрытой отрицательной характеристикой. Даже такое тыняновское слово, как «заимствование», нейтральное и продуктивное в теоретико-исторических работах автора, приобретает в «Промежутке» скептический

¹ Там же.

² О (динамическом) развитии понятийного и метафорического аппарата Тынянова в литературоведческих и критических статьях см. Ehlers 1992, конкретно о метафорах археологии и стусков: Ehlers 1992: 139–140, 146. Характерно, что понятие «археологии», позитивно коннотированное в «Промежутке» и «Проблеме стихотворного языка», уже двумя годами позже станет негативным синонимом театральной реконструкции. В письме к Максиму Горькому, говоря о работе над «Кюхлей», Тынянов признается, что «главной задачей» для него было «дать людям эпохи, не археологически их реконструируя („археология“ в историческом романе ведет к ощущению актера, играющего в подлинном, взятом на прокат [sic] костюме), а как бы влезая в их положение» (цит. по: Доморацкая 1963: 455).

³ См. Тынянов 2004: 10, 15–16.

ореол. «Почти заимствованной»¹ литературной личности Есенина Тынянов прямо противопоставляет личность Маяковского — «личность не стершегося поэта», «поэта с адресом»².

При этом если заимствованная литературная личность Есенина сопоставляется Тыняновым со стиховой личностью Маяковского, то ходасевичский отход на пласт литературной культуры сопрягается с ахматовским попаданием «в плен к собственной стиховой культуре»³. И случай Ахматовой, и случай Маяковского также таят в себе опасность автоматизации, о чем Тынянов высказывается недвусмысленно, но скорее в модусе дружеского предостережения. Ретроспективно описывая динамическую компоненту былой работы этих двух поэтов над *собственными* канонами, Тынянов делает им существенную скидку. Маяковский находится на особом положении, его главная проблема — его же собственный устоявшийся и застоявшийся ореол, инерцию которого поэт призван демонтировать: «Положение у Маяковского особое. Он не может успокоиться на своем каноне, который уже облюбовали эклектики и эпигоны»⁴. Механистичность ахматовской темы тоже представлена как временная проблема: «В плену у собственных тем *сейчас* Ахматова»⁵. Критика Маяковского и Ахматовой — в большей мере превентивна, Тынянов косвенно проговаривает временность их стагнации, оставляя за обоими поэтами возможность плодотворно применить приобретенный опыт динамического самообновления в будущем. Есенин и Ходасевич таких бонусов лишены, дефициты их поэтики и стоящей за ней поэтологии предстают не временными изъянами, а фундаментальными дефектами.

¹ Тынянов 1977: 171.

² Там же. Постановка вопроса о заимствовании происходит в статье «Тютчев и Гейне» (там же: 387–395), где оно поначалу выступает «частным случаем» влияния, но в ходе рассуждений Тынянова превращается в категорию, не только смежную влиянию, но и частично ему противоположную. Заимствование как феномен активной эволюционности, возникающий при трансформации и новой контекстуализации приема, во многом оппонирует влиянию как пассивному генетическому факту и фактору.

³ Там же: 173.

⁴ Там же: 178.

⁵ Там же: 174.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Вступление</i>	6
<i>Эпистемы промежутка</i>	
Время одиночек и критическая инерция	9
Кинетическая археология	20
По праву современника: слепота и прозрение	31
Распад литературной личности и автопоэтологический пакт	44
Поэтическое лицо и концептуальный персонаж	55
Сумерки хронотопографии.	65
<i>Каин в чистилище</i>	
В песках Померании	83
Пятновыводитель и проклятие забвения.	96
Скука бури: диалектическая раскачка оксюморона	108
Сюжет тавтологии и фаталистическое фланерство	116
Каиномания: Прометей, Гамлет, Левиафан	126
<i>Польское обращение</i>	
Триада конверсии	135
Интертекстуальные подтверждения	146
Валленродизм и Великая Эмиграция	155
<i>Берлинский бестиарий</i>	
Зоологические эмигранты «между собакой и волком»	163
Фразеологическое оборотничество: мутация и контаминация	178
«Волчья жизнь» идиомы	193
Песий час поэзии: метафрагменты фантазмагории	204

<i>Энергия изоляции</i>	
Атлантида метрополя	211
Консервация взрыва	231
Автоматизация по кривой: шифры радиофобии	242
<i>Вечное отращение</i>	
Берлинский блуд и бред: эллипсы эпитафии	260
Gretchenfrage: некролог (само)убийцы	268
Смертестроительство и амок модернизма	287
<i>Schlusspointe</i>	293
<i>Список литературы</i>	295
<i>Указатель произведений В. Ф. Ходасевича</i>	311
<i>Указатель имен</i>	313